

Вариации на тему Шри Шри Дамодараштаки

Шрила Бхакти Вигьяна Госвами

Осень. Картика. Красное солнце
медленно опускается в заросли
на дальнем берегу Ямуны,
любуюсь своим отражением в ее черных водах.
(Что проносится мимо, мгновения или годы?)
Теплые, сладкие сумерки пахнут вриндаванской пылью и коровьим навозом.
На сердце слезы.
Откуда-то из глубины сумерек, то ли сумерек Вриндавана, то ли сумерек
сердца, рождается медленная мелодия. Постепенно она становится
громче, чем крики павлинов, прощающихся с уходящим днем.
(Они тоже плачут. Интересно, о чем?)
То ли желтая луна восходит на небе, то ли кто-то зажег лампадку.
Грустно, тепло и сладко.
Лампадка сначала мерцает, но потом разгорается все ярче и ярче.
Мелодия набирает силу. Откуда она? Где поют?
То ли в сердце твоём, то ли в соседнем храме, где в колокол бьют.
Может, это поет Кадамба у Калия-гхата? Ветер гудит в его дуплах и
ветки скрипят в такт с дадра-талом:
дха-дин-на, дха-тин-на, дха-дин-на...
Или это сама Ямуна подыгрывает себе на караталах?
Са-га, са-га, ма-а-па-ма, са-га, са-га, ма-а...
Вриндаван поет. В каждом храме – колокола. В каждой руке – караталы.
В каждом сердце – мриданги. В каждом голосе – слезы.
В каждом дворе – лампы.
Много ли человеку надо?

* * *

Лишь Ему я молюсь. Перед Ним я склоняюсь в покорно.
Нет Бога иного, чем юный Вриндавана Бог.
Весь мир перед Ним то юлит, то трепещет,
весь мир то хулит Его, то прославляет слащаво,
то служит Ему раболепно, то хочет забыть навсегда.
Он юный, как вечность, и вечный, как юность. И имя Ему – Дамодара...

1

Ты – Образ вечности бытия, вечно сознающий Свою вечность и вечно наслаждающийся ею.

Я склоняюсь перед Тобою, но не потому, что боюсь Тебя, и не потому, что надеюсь на награду, а потому, что люблю. Вернее, хочу полюбить. Я знаю – Ты Бог, и только Тебя стоит славить. Никто другой не достоин хвалы. Я знаю – Ты Бог. Поэтому позволь мне молиться Тебе. Дай мне силы, пошли мне слова, очисти мне сердце. Я знаю – Ты мой повелитель, а я – Твой слуга, и оттого на душе у меня легко.

Серьги Твои раскачиваются и играют у Тебя на щеках, потому что Ты не стоишь на месте. Люди и боги молятся Тебе, но Тебе скучно слушать их молитвы. Люди поют «Алиллая, Алиллая», бьют в колокола, кричат, взывая к Тебе, с минаретов, бормочут мантры и гудят в раковины, но Тебе скучно, потому что Ты знаешь: им нет до Тебя никакого дела. Им нужен не Ты Сам, а Твои богатства.

Поэтому Ты тайком убегаешь от них, от их надоедливых молитв и славословий, чтобы остаться наедине со Своими друзьями, чтобы спрятаться от них в объятиях Яшоды или важно нести на голове сандалии почтенного Нанды. Ты играешь с телятами, которые любят Тебя больше, чем все епископы и митрополиты вместе взятые, или дразнишь степенных пастушек, которые не чают в Тебе души, и серьги играют на Твоих щеках, потому что им тоже нравится играть с Тобою.

Почему так прекрасны Твои серьги? Я понял: потому что они отражают Твой свет.

Любой, кто хоть чуть-чуть приближается к Тебе, начинает светиться Твоим светом. Нимбы над головами святых и пророков светятся светом, исходящим от Тебя. Отблеск Твоей красоты и Твоего света лежит на их чистых лицах. Издалека, как в телескоп, они робко взирают на Тебя в надежде поймать хотя бы лучик Твоего света. Но даже одного лучика довольно, чтобы рассеять тьму, затопившую мир! Насколько же святее всех пророков и святых эти серьги, которым выпала удача целовать Твои щеки!?

Гордое солнце тоже светит Твоим светом. Но нам не нужно солнца, потому что у нас есть Ты. Как луна блекнет и от стыда теряется где-то на небесах, когда восходит солнце, так и солнце поблекло и устыдилось себя, когда над Гокулой, страной счастливых коров, взошел Ты, маленький мальчик, который напрасно пытается убежать от любви Своих пастухов.

Все и вся отражает Твой свет, но Сам Ты светишься светом, который исходит от тех, кто любит Тебя. Поэтому здесь, в Гокуле, Ты сияешь ярче, чем в небесном царстве. Ты – как синий сапфир, оправленный в золото нашей любви.

Чтобы испытать любовь Яшоды, Ты пробуешь убежать от нее. Убежать от погруженных в самадхи йогов, тщетно ищущих Тебя в глубинах сердца, совсем нетрудно. Ты ловко обходишь все сети и ловушки, которые пытаются расставить Тебе мудрецы-философы и знатоки Вед. Но ее любовь всюду - от нее никуда не убежишь.

Ты смеешься над аскетами и мудрецами, над жрецами и над купцами. Но, когда Яшода берет хворостину в руки, Тебе не до смеха. Ты Сам пасешь тех, кто хочет служить Тебе. Для них у Тебя припасен кнут Вед. Всем остальным приходится иметь дело со скипетром Ямараджи, который трепещет при одном упоминании Твоего имени. Но, когда пастушка Яшода берет хворостину в руки, Ты в страхе пускаешься от нее наутек, ибо крупица ее любви сильнее всех законов этого мира.

Ты бежишь от нее, а она – за Тобой. Ей бежать тяжело, потому что груди ее переполняет молоко любви. Но, хотя Ты можешь бежать с скоростью света, а то и быстрее, Ты знаешь, что в конце концов Она все равно поймает Тебя. Косы ее распустились, и цветы, вплетенные в них, от испуга падают на землю. Они целуют следы ее стоп, восхищаясь ее отвагой. Но она не видит ничего, она забыла обо всем. Она просто бежит за Тобой с хворостиной в руке...

2

Ты плачешь от испуга. В круглых глазах Твоих застыл страх. (Пусть этот страх станет моей единственной защитой). Ты всхлипываешь и трешь глаза обеими руками. «Неужели ты не видишь, как Я боюсь тебя? Неужели тебе Меня не жалко? Ма, прости Меня, Я больше не буду».

Из глаз Твоих градом катятся жемчужные слезы, размывая сурьму, которой они подведены.

Что может быть прекрасней, чем первый дождь после летнего зноя, когда всемогущее небо, услышав людские молитвы, проливает на землю слезы жалости? Но Твои слезы прекраснее. Потому что заплакать Тебя заставили не жалобные молитвы, а чистая любовь.

Зной желаний так иссушил мое сердце, что оно не может даже молиться. Но одна Твоя слезинка способна оросить все пустыни мира и превратить в оазисы пересохшие сердца. Сколько людей будет молиться Твоим слезам! Как сильно нужно любить Тебя, чтобы Ты забыл, что Ты – Бог! Какой должна быть эта любовь, чтобы Дарующий бесстрашие испугался!

Ты всхлипываешь. Грудь Твоя вздымается, а вместе с ней ожерелье из жемчуга. Твоя шея с тремя ясными линиями похожа на морскую раковину, впитавшую в себя всю синеву моря. Пусть эта весть разнесется повсюду: «Люди, Кришна зовется теперь Дамодарой! Бог позволил связать Себя крепкой веревкой любви!»

3

Рано утром, до восхода солнца, гопи начинают сбивать масло из загустевшего за ночь йогурта. Они тихо напевают чьи-то имена, а из горшков с йогуртом раздается гудение, которое может заглушить рев бушующего океана. Капельки йогурта, как драгоценный бисер, замысловатым узором ложатся на их сари. Разбуженный их пением, маленький Дамодара, озираясь по сторонам, крадется в чужую кладовку. Там Он задувает лампадку и в полной темноте, запустив руку в горшок, достает свежесбитое масло.

Для кого эта лила, Кришна, если в темноте Тебя не видит никто? Кроме меня.

* * *

- Кто Ты, малыш?
- Это Я, младший брат Баларамы.
- Что Ты делаешь здесь?
- Просто Я в темноте перепутал дома.
- Мне казалось, что Я здесь живу.
- Хорошо, шалунишка. Но где Твои руки?
- Здесь, в горшке. Ну и что?
- Что забыл Ты в горшке?
- Я теленочка, тетя, ишу.
- Если здесь его нет, то не бойся, Я сразу уйду.

*Для кого эта лила, Мурари?
 Что должна была сделать
 седая пастушка,
 чтобы Бог в темноте перепутал дома?*

* * *

- Мама, мама!!!
 - Чего Тебе, Лала?
 - Дай Мне чашку.
 - Зачем?
 - Я хочу молока.
 - Молоко не готово.
 - Когда оно будет готово?
 - Только ночью.
 - Когда это, ночью?
 - Когда станет темно на дворе.
 - Мама, ночь наступила,-
 сказал Ты и зажмурил глаза.

*Для кого эта лила, Мукунда,
 Кого хочешь Ты ей обмануть?
 Я же знаю, что стоит Тебе захотеть –
 Ночь наступит средь белого дня
 или солнце взойдет темной ночью.*

* * *

Рот предательски пахнет макханом.
 Ты крадешься, как кот по опавшей листве.
 Вдруг Ты видишь Свое отражение в колонне:
 «Что ты делаешь тут? Ты - Мой друг,
 эй, послушай, Я дам тебе свежего масла.
 Будешь есть, сколько хочешь.
 Только маме Моей ничего, никогда... Хорошо?»

*Для кого это лила, Хари?
 Макханчор, кто не знает Тебя?
 Ты украл мое сердце.
 Ты похитил покой всех святых.
 Ты украл жизнь Путаны.
 Ты забрал Себе сари невинных пастушек
 И грехи всех предавшихся душ.
 Для кого эта лила, Хари?*

* * *

О Говинда, Ты подарил Себя простым пастухам, а они подарили Тебе свои сердца. Ты стал их игрушкой, только чтобы наслаждаться свежим маслом их любви. Ты привел их к озеру блаженства и заставил утонуть в нем.

Дорогу к этому озеру никогда не найдут те, кто трепещет перед Тобой или преклоняется перед Твоим величием. Дорога в Твою страну заповедана тем, кто ослеплен Твоим сиянием. Но тех, кто так ослеп от любви к Тебе, что не видит даже Твоего сияния, Ты берешь за руку и Сам ведешь туда, в маленькую деревушку на берегу Ямуны.

Поэтому я снова и снова кланяюсь только им и их любви, которая сделала Тебя их игрушкой.

4

Что Ты делаешь во Вриндаване? Что может делать Всемогущий и Всеведущий, Бесконечный и Исполненный любви? Только играть в игры, которым нет конца. Поэтому Тебя зовут Дэвой, и Твой свет озаряет все вокруг. Во всей Вселенной нет иного источника света, кроме Тебя.

Теперь пришел мой черед попросить у Тебя благословение, ибо все просят Тебя о чем-то. И я знаю: Ты исполняешь любые желания и просьбы.

Я не хочу быть царем на земле – краткосрочен земной удел, мимолетна земная слава. Не хочу я ни райского царства, ни короны Индры, ибо райские утехы заслоняют память о Тебе, без которой рай становится адом. Я не хочу волшебных способностей, которые дарует йога, - подари их тем, кто еще не наигрался в этом мире смерти.

Мукунда, я не собираюсь просить Тебя даже об освобождении от мук и желаний бренного мира - даже это слишком дешевая цена, а я так долго шел к Тебе, что боюсь продешевить. Я помню, что Ты сказал много тысяч лет назад в назидание Своей матери, поэтому я не буду просить у Тебя даже разрешения поселиться рядом с Тобой, на одной планете, пользоваться Твоими богатствами и получить тело столь же прекрасное, как у Тебя. Репутация Твоего слуги мне дороже любого из этих благ. Так или иначе, я оказался здесь, во Вриндаване, и все богатства Вайкунтхи потускнели для меня. Пусть другие умоляют Тебя даровать им освобождение или даже привилегию постоянно воспевать Тебя. Я не прошу Тебя об этом.

- Так чего же ты хочешь?

- Пожалуйста, войди в мое сердце в облике маленького мальчика-пастушка, таким, каким я увидел Тебя здесь, во Вриндаване, и пусть этот образ никогда не покидает моего сердца.

- Но Я уже и так в твоём сердце. Как Антарьями Я постоянно беседую с тобой. Неужели тебе этого мало?

- Мало. Потому что хочу пить Твою красоту своим внутренним взором, чтобы кроме Твоей красоты в моем уме не осталось ничего. Я хочу вдыхать аромат Твоей милости и утирать слезы с Твоего лица. Только и всего. Ничего другого мне не надо.

- Ты хорошо подумал? Освобождение - это великий дар. Безграничная Вайкунтха – страна, где нет тревог и препятствий – откроется перед тобою. Любой другой на твоём месте не задумываясь выбрал бы ее. Или – еще лучше – возможность беспрестанно прославлять Меня и слушать обо Мне. Награжденный этим даром, даже окажись он в аду, всегда ощущает себя на седьмом небе от счастья.

- Ты хочешь меня обмануть? Если у меня будешь Сам Ты, то зачем мне что-то еще? А если у меня не будет Тебя, что зачем мне что-то еще? Тогда мне останется только безутешно плакать... Без Тебя зачем мне освобождение?

- Ты прав, в освобождении мало радости. Но разве ты не хочешь беседовать со Мной, восседающим на троне Вайкунтхи во всем сиянии небесной славы Моей? Величайшие пророки забывали обо всем на свете, едва услышав звук Моего голоса. Подумай еще.

- Мне не о чем думать. Я хочу всегда созерцать Тебя в своем сердце. Мне нужно только одно: чтобы веревка моего созерцания стала крепче той, которой когда-то связала Тебя Яшода. И если Ты верен Своему слову, Ты исполнишь мое желание, не пытаясь обмануть меня, дав мне взамен что-то другое.

5

- Не слишком ли ты спешишь со своей просьбой? Может быть, ты все же хочешь чего-то еще? Проси, пока не поздно...

- Даже если Ты исполнишь мириады моих желаний, сердце мое не узнает покоя, потому что в нем не будет Тебя. Голод, жажда, рождение и смерть, мимолетное счастье и скорби, как штормовые ветры, будут по-прежнему вздымать на поверхности моего ума бесконечные волны. Может ли быть счастлив человек, оказавшийся в открытом море посреди бушующего шторма?

- Но что даст тебе созерцание Моего лица? Почему ты думаешь, что бури в твоём сердце утихнут?

- Потому что лицо Твое подобно солнцу, способному разогнать темные тучи моих желаний.

С чем еще сравнить Твое лицо, обрамленное иссиня-черными с красноватым отливом кудрями? Разве что с синим лотосом, вокруг которого вьется рой опьяненных черных шмелей... Как лотос распускается навстречу солнечным лучам, так и лицо Твое расцветает, когда Яшода осыпает его своими поцелуями... Но не думай только, что эти бледные слова заменят мне Твой образ в сердце. Сколько бы других благословений Ты ни дал мне, я не успокоюсь, пока Ты не согласишься с тем, чтобы картина эта всегда стояла перед моим взором.

6

Или постой... Дай проглотить комок в горле. Я наберусь сил и смелости попросить Тебя о чем-то другом. Безумная надежда закралась в мое сердце. Слышишь, как голос мой дрожит от надежды и слез? Если уж просить Тебя... Ты Бог, позволяющий связать Себя, бесконечного, и обнять Себя, необъятного... Ты – независимый повелитель и господин, кто может запретить Тебе сделать все, что Ты хочешь? Я тону в этом океане скорби, и нет для меня, падшего и невежественного, другого спасения, кроме Твоей милости. Я знаю, что мне делать – снова и снова я буду твердить эти дарующие надежду имена – Дамодара,

Ананта, Вишну. А что мне еще остается? Снова и снова я буду твердить их. Снова и снова. Снова и снова. До тех пор, пока не смогу произнести их с неподдельным смирением, до тех пор, пока... пока не поймаю на себе Твой исполненный сострадания взгляд. И тогда я смогу попросить Тебя о том, о чем не осмеливался просить раньше. Появись передо мной Сам!

7

- Не противоречишь ли ты сам себе? Ты же назвал Меня Дамодарой! Как может спасти тебя тот, кто Сам связан? Яшода привязала Меня к ступе, и Я не смог распутать даже Себя. Мне пришлось ползти, волоча за Собой эту огромную ступу...

- Кого Ты хочешь обмануть? Одного Твоего касания хватило, чтобы сыновья Куверы, по проклятию Нарады родившиеся как деревья, после многих сотен лет ожидания оказались на свободе.

- Так все же ты хочешь освобождения от страданий? Я готов освободить тебя от всех мук прямо сейчас...

- Нет, я знаю, что Ты легко даешь освобождение любому, кто попросит Тебя об этом. Но сыновья Куверы были умнее – много лет они повторяли одну и ту же молитву. Они просили Тебя дать им возможность служить Тебе. Прошли сотни лет, прежде чем Ты откликнулся на их молитву, но откликнулся же! Вот и я прошу, чтобы Ты просто дотронулся до меня, как дотронулся до них. Или даже не Ты Сам, а ступа, которой Ты привязан – этого мне будет достаточно.

- Что тебе это даст? Почему ты не соглашаешься на освобождение, к которому так стремятся великие йоги и святые?

- Потому что великие мудрецы и йоги, даже получив освобождение, иногда снова возвращаются в этот мир рождения и смерти. Даже они, победившие свои страсти, хотят бхавы, эмоций, вот и приходится Тебе, откликаясь на их желание, снова возвращать их в этот мир, где они могут испытать любовь – нет, даже не любовь, бледное подобие настоящей любви. Настоящая любовь выше освобождения, и мне не нужно никакого другого освобождения, кроме Твоей любви. Поэтому, о Дамодара, я прошу Тебя о любви, но не просто о любви – о любви здесь, во Вриндаване, потому что только здесь я смогу видеть Твои бесконечные игры. Дал же Ты ее сыновьям Куверы, дай же ее и мне.

Я плачу, потому что хорошо знаю, как редок этот дар, но я так долго шел к нему, что просто не вижу смысла просить Тебя ни о чем другом... Слезы градом катятся из моих глаз, но на сердце светло от надежды. И я не променяю эти слезы ни на какое другое счастье в мире.

8

Я сам не заметил, как Ты стал отвечать на мои молитвы откуда-то из глубины моего сердца. Я просто пытался думать о Тебе, Дамодара, вспоминая, что случилось в этот день месяца Картика, когда солнце перестает нещадно палить. Похоже, что оно тоже

засмотрелось на Твои игры и устыдилось самого себя. Что это солнце? Простая веревка, обвязавшая Твой живот, светит ярче, чем тысячи Солнц. Сияние ее так ослепляет великих йогов, что они не способны даже увидеть Тебя, связанного этой веревкой. Ослепленные ее сиянием, они поклоняются ей, думая, что нет ничего выше. Я тоже склоняюсь перед этой веревкой, но по Твоей милости сияние ее не может заслонить Тебя от меня.

Дальше, я кланяюсь Твоему животу, обязанному ею. Я знаю, что все вселенные с их бесконечными богатствами, находятся в Твоем животе. Помнишь, как однажды, чтобы избежать наказания, ты открыл Свой рот, и сердитая Яшода увидела там всю Вселенную, Солнце, Луну, мириады звезд Млечного Пути и даже вечное время? О, как закружилась у нее тогда голова! На самом деле, я поклоняюсь не Твоему животу, а ее любви, с помощью которой она покорила весь мир. Куда до нее величайшим полководцам!

Я знаю, что Ты скажешь мне сейчас: Ты попытаешься укорить меня в непомерности моей просьбы. Поэтому, опережая Тебя, я спешу принести свои поклоны Всемогущей повелительнице и олицетворению этой любви – Радхике, потому что только по Ее милости мое безумное желание сможет исполниться. Ее любви хватит на всех, даже на меня.

Я закончу свою молитву тем, с чего начал. О лучезарный Господь! Снова и снова я кланяюсь Тебе, чьим лилам нет конца. Посланные Тобою неожиданные слезы немного очистили мои глаза и грязное сердце.

Пока я плакал, осеннее солнце село. Стало совсем темно, и только маленькая лампадка моей робкой попытки полюбить Тебя отчаянно борется с темнотой, опустившейся на мир.

*Лишь Ему я молюсь. Перед Ним я склоняюсь в покорно.
Нет Бога иного, чем юный Вриндавана Бог.
Весь мир перед Ним то юлит, то трепещет,
весь мир то хулит Его, то прославляет слащаво,
то служит Ему раболепно, то хочет забыть навсегда.
Он юный, как вечность, и вечный, как юность. И имя Ему - Дамодара...*